

Остаток моих рождественских каникул был восхитительным. Я не думаю, что вы оцениваете, какой была жизнь чистокровных или почти чистокровных во времена, предшествовавшие Второй волшебной войне. Оглядываясь назад, я думаю, что отчасти это было результатом радости от того, что мы все еще живы после поражения Темного Лорда. Многие из нас верили, что Темный Лорд окончательно побежден и больше никогда не вернется, а темные дни страха и ужаса закончились и больше никогда не вернутся.

Несмотря на то, что моя семья не была богатой, как некоторые из Старых семей, мы были обеспечены, как и многие друзья и родственники моей мамы и моего отца. Наши подарки были дорогими, украшения - пышными, костюмы - продуманными до мелочей, а петь и танцевать мы собирались сами, а не под какого-то маггловского исполнителя с CD-плеером.

Разумеется, я не только посещал вечеринки родных и друзей, но и Камиллы. Ее отец знал, что она мне нравится, и, несмотря на то что мы еще не достигли совершеннолетия для принесения официальных обетов, он благосклонно отнесся к моим ухаживаниям. У Камиллы были амбиции выйти замуж за какого-нибудь богатого волшебника старой крови, который купил бы ей дома, драгоценности, детей и содержал бы ее в роскошной жизни, но ее отец знал, что я - более удачная добыча, даже если я вряд ли одарю ее богатством Малфоя, Блэка или Гринграссов прежних времен. Я был достижим, а они - нет.

Камилла была из рода Гаттов. Гатты были полукровками, которым не хватило двух поколений, чтобы стать чистокровными, достаточно уважаемыми, но никогда не богатыми. Несмотря на шоу на праздничной вечеринке Гаттов, я знал, что моя семья богаче, чем ее, и что с годами моя семья процветала больше, чем ее.

Мы с ее отцом до сих пор общаемся, и однажды, за бутылкой маггловского виски, он признался мне, что одной из причин, по которой он благосклонно отнесся к возможному браку между мной и Камиллой, было то, что он верил, что я смогу сделать ее не только удобной, но и счастливой. Он беспокоился, что если Камилла будет искать кого-то за пределами своего статуса, то лучшее, на что она сможет рассчитывать, - это стать детской невестой какого-нибудь пожилого волшебника или любовницей какого-нибудь богатого волшебника.

Однако в то время я считал, что мы с Камиллой все еще встречаемся. И, честно говоря, мы с Камиллой тоже в это верили. Мы вместе танцевали, вместе совершали экскурсии, а в хорошую погоду даже устраивали пикники. Я рассказывал Камилле о своих планах по развитию и расширению бизнеса моего отца, а Камилла - о своих планах относительно нашего будущего дома и детей.

Я помню новогоднюю вечеринку у Камиллы в тот год. Родители Камиллы подарили нам пару чудесных стеклянных кубков, достаточно красивых, чтобы быть гоблинской работы. По обычаю наших семей, мы должны были хранить их и после произнесения клятв пить из них в честь наших обетов.

Я еще не знал, что нас ждет в будущем.

Наверняка ваша мама может рассказать вам истории о своем первом весеннем семестре в Хогвартсе. Мой собственный весенний семестр был не таким насыщенным. Кроме учебы, гуляний с друзьями и пары визитов в Хогсмид, по крайней мере, первые несколько месяцев.

Квиддич был заметным исключением. Я наблюдал и болел за тем, как Слизерин победил Рейвенкло в январе, а затем Хаффлпафф в марте. Мы уходили с трибун с триумфом. Я слышал, что биографы Поттера грубо отзывались о команде нашего дома по квиддичу в те времена, но у нас была хорошая команда. Наша команда по квиддичу играла упорно, а наши игроки - умело. Более того, мы играли, чтобы победить.

Я помню, что твоя мама ввязалась в драку Поттера, Уизли и Хагрида, хотя я услышал эту историю только после того, как она произошла, и не помню всех подробностей. Помню, как Драко Малfoy распинался о том, что собирается устроить Поттеру и двум его друзьям неприятности за то, что они выходили из общежития в нерабочее время, и что из-за этого их троих либо посадят под арест, либо вообще исключат. Ему не удалось добиться исключения Поттера, но он добился того, что это "Золотое трио" стало стоить им более 150 домовых баллов, а Слизерин лишился пятидесяти домовых баллов. Это пошло на пользу маленькому засранцу.

Я также слышал о его задержании. Я слышал, что у него был какой-то испуг, когда Хагрид повел его в Запретный лес. Я не очень понимал, что именно его там напугало, но думал, что его заявления о храбрости перед лицом опасности - это просто трескотня.

О том, почему ваша мама, Поттер и Рон Уизли тайком сбежали оттуда, я узнал лишь много позже. Рискуя повторить трижды рассказанные сказки, скажу, что они прокрались, чтобы спасти детеныша дракона Хагрида. Мысль об этом до сих пор вызывает у меня смех. С Хагридом у меня никогда не было ничего общего, кроме пары раз, когда он прогонял меня и моих товарищей из Запретного леса. Тогда я скорее обижался на него, но не замечал, что он мог сообщить об этом профессору Снейпу и лишить нас баллов Дома, но не сделал этого.

Узнав о драконе Хагрида, я обнаружил, что не могу на него сердиться. Драконы - удивительные, прекрасные существа, хотя на них лучше смотреть издали и не подпускать к школам и населенным пунктам. Мы все знали, что Хагрида привлекают магические существа. Многие из нас считали, что чем больше и опаснее они были, тем больше они его интересовали. Естественно, мы понимали, почему ему было интересно вырастить дракона. Узнав, что детеныш дракона Хагрида был вывезен из Хогвартса неизвестно кем, я вздохнул с облегчением.

Но об этом позже. Как правило, в то время как Камилла процветала на сплетнях, я старался не обращать внимания на болтовню Иклов. На тот момент я знал, что гриффиндорцы потеряли много баллов за что-то, хотя и не был в курсе подробностей.

Я до сих пор помню реакцию твоей матери после развязки ее внеурочной экскурсии за пределы гриффиндорской башни. Я сидел на своем обычном месте в библиотеке в свое обычное время и занимался исследованиями, когда вошла твоя мама и заняла свое место. Несмотря на то, что мне всего пятнадцать лет и мои способности к наблюдению гораздо менее остры, чем у взрослых, я заметила, что она выглядит ужасно.

"Грейнджер, ты выглядишь ужасно", - сказал я.

"А ты не собираешься позлорадствовать?" - спросила она.

"По поводу чего?" сказал я.

"Очки Дома", - сказала она, ее глаза слезились. "Мы с друзьями стоили Гриффиндору 150 баллов".

"Я действительно заметила падение часового стекла гриффиндорцев, но я не знала, кто и что сделал, и каковы были обстоятельства, пока ты мне не рассказала".

Твоя мама посмотрела на меня, а потом покраснела.

"Кто-нибудь умер?" спросил я.

"Нет", - ответила она.

"Кого-нибудь отправили в больницу Святого Мунго, или какое-нибудь из школьных зданий обрушилось или загорелось?" спросил я.

"Нет", - ответила она, сквозь мрачность пробилась полуулыбка.

Я решил задать вопрос, который я бы задал только гриффиндорцу. Или, может быть, хаффлпаффу. "Это было ради благой цели?" сказал я.

"Это было хорошее дело", - ответила она. "Это было..."

Я поднял руку, призывая ее к молчанию. "Тогда мне не нужно знать", - сказал я. "А теперь отбрось свою мрачность и приступай к делу, Грейнджер". Твоя мама улыбнулась и смахнула несколько слезинок, а затем открыла одну из книг, которые она купила в библиотеке.

<http://tl.rulate.ru/book/115990/4586397>